

Кто такие современные левые и зачем им кружки?¹

Сегодня новые поколения левых начинают активно участвовать в организациях просветительско-дискуссионного характера, то есть читать и обсуждать классиков марксизма и их последователей. В Екатеринбурге за последнее время резко выросло количество подобных организаций.

Критики отождествляют этот этап с «кружковщиной», воспроизводя «ликвидаторскую» критику. Необходимость кружкового этапа для революционного движения в конце XIX в. очевидна. Первоначальное отсутствие каких-либо репрезентативных политических механизмов, мощная реакция полицейского государства на акции прямого действия, новое, собственно марксистское понимание политики как «борьбы классов», а не личностей – все это неизбежно приводило к использованию определенной стратегии общения, обсуждения текста, ведущей к популяризации его в среде класса. В современной демократической России уже присутствуют институты политического представительства, система образования и крупные партии, разделяющие социалистическую идеологию. Почему подобное повторение все же стало необходимым в постсовременной политике и какова его специфика?

В рамках ответа на этот вопрос интерес представляет статья Д. В. Руденкина и А. В. Логинова «Идеология в обществе позднего модерна: исчезновение или трансформация?», в которой авторы выстраивают ценностные карты, вложенные в партийные программы, и делают следующие выводы: программы отражают существующий в настоящем общественный консенсус; происходят «девальвация символического капитала титульного наименования политических партий» и «дробление ценностного

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 19-011-31649

«Актуальная структура политического сознания: аргументы, ценности, идентичность».

ядра каждой из рассматриваемых идеологий на востребованные и невостребованные позиции» [1, с. 211–212].

По мнению Славоя Жижека, «для того чтобы выявить так называемые идеологические искажения, необходимо отмечать не только то, что было сказано, но сложное взаимодействие того, что было сказано, и того, о чем умолчали» [2, с. 86]. Не наблюдаем ли мы схожую логику? Парламентские партии левой направленности предлагают нам социализм без тоталитаризма (репрессий, дефицита) как будущий проект политического, но что следует за этим «без-»? Микс из консервативных и либеральных ценностей, созданный в целях политики. Центрируя наше внимание на гибриде, технология скрывает отсутствие классических ценностей идеологии, подразумеваемых избирателями. Обещая социализм с социальными гарантиями и с сильным государством, парламентские партии левого толка скрывают отсутствие в своих программах ценностей революционной борьбы, солидарности, равенства.

На мой взгляд, описанная «миксовость», локальность и сиюминутность современных идеологий свидетельствуют о существовании метаидеологии власти, конституирующей остальные политические программы, дискурс в целом. Она является политтехнологией, имеющей своей целью тавтологическое повторение общественного консенсуса, самостоятельно ею симулируемого.

Подобная стратегия идеологии напоминает пессимистический концепт «спектакля» Ги Дебора, определенного им как «мировоззрение, реализовавшееся в действительности, облекшееся плотью материального, как видение мира, вдруг ставшего объективным» [3, с. 25].

Результаты анкетирования молодых (16–35 лет) участников разных левых организаций Екатеринбурга в количестве 50 человек помогут определить политическое поведение левых в условиях гибридной идеологии. На вопрос о том, какие из партий представляют их интересы, лишь 20,4 % отметили КПРФ, 6,1 % – «Справедливую Россию»; 8,2 % – «Яблоко». На уровне с парламентскими партиями оказалась Национал-большевистская партия с 10,2 %. 42,9 % респондентов отметили «Левый фронт», 32,7 % отметили свой вариант, 18,4 % оставили графу незаполненной. Радикальней обстоит дело с личностями политиков. 12,2 и 14,3 % отметили

Г. А. Зюганова и П. Н. Грудина соответственно, по 2 % у С. М. Миронова и Г. А. Явлинского. Непарламентский политик С. С. Удальцов представляет 30,6 % респондентов. Также относительно популярны А. А. Навальный (16,3 %) и Э. В. Лимонов (14,3 %). Целых 66,3 % не нашли в списке своих представителей. Налицо отсутствие парламентского представительства у формирующейся политической группы: популярностью обладает движение «Левый фронт», лишь иногда – поддерживающее партию.

Так же показательно выглядит ответ на вопрос о поведении во время выборов. 40,9 % респондентов заранее знают, за кого голосовать, 4,1 % – решают на месте. При этом 53,1 % не принимают участия в выборах. Противоположные позиции присутствуют примерно в равном соотношении.

«Спектаклярный» характер современной партийной политики своим следствием имеет конкуренцию моделей политического поведения левых: согласное и несогласное. Согласие выражается в участии в политических ритуалах, сконструированных метаидеологией власти, например, в выборах, в молодежных отделениях парламентских партий, а также в принятии гибридной идеологии; несогласие – в их отрицании: предпочтении новых форм соучастия старым, бойкоте выборов, отсутствии представительства в парламенте и поиске новых идеологических конструкторов. Инструментом подобного поиска и нового объединения и выступает современный этап «кружков».

Библиографические ссылки

1. Руденкин Д., Логинов А. Идеология в обществе позднего модерна: исчезновение или трансформация? // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 197–220.
2. Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. М., 2012. 267 с.
3. Дебор Г. Общество спектакля : [сборник]. М., 2014. 220 с.